

РАЙСКОЕ ВИДЕНИЕ АНДРЕЯ ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОГО

Наступила лютая зима. Все бедняки, возопив: «Горе нам», с рыданиями и стонами угасали из-за голода и нужды и приближались к смерти. Меня же удручала великая скорбь по одному рабу Божьему, потому что он был наг телом и не имел куда главу приклонить. Наконец, по прошествии двух недель, когда ветер утих, приходит ко мне этот славный муж. Я же, узрев его, воспрял духом и, поднявшись, обнял его и облобызал святым лобзанием. Праведник обратился ко мне: «Господин и брат мой, почему ты в самом деле так тревожился обо мне? Разве ты не знаешь, что Господь хранит сокрушенных сердцем и спасает смиренных духом, ибо велика радость для тех, кто верует в Бога всей душой и в нынешнем веке, и в грядущем. Тебе известны, о дражайший, жесточайшая беспощадность мороза, стужи и сильнейшего ветра, выдержать которые я не имел сил и погибал, ибо был нагим, не одетым и не обутым. И тогда я и отправился к таким же, как я, чтобы хоть ненадолго укрыться, и они не приняли меня, прогнали палками, как собаку, крича с отвращением: «Убирайся прочь отсюда, пес!» Я же, не находя ни отдохновения, ни спасения и разуверившись в жизни, пришел в отчаяние и сказал так: «Благословен Господь, и если я все же умру, мне это зачтется за свидетельство; ибо не будет Господь несправедлив, но, сотворивши стужу, даст мне и выносливость».

И вот, забившись в один из углов портика, я отыскал пса и лег поближе к нему, надеясь получить от него хоть какое-то тепло. А он, увидев, что я приближаюсь к нему, вскочил и отбежал. И тогда я сказал себе: «Видишь, несчастный: настолько ты грешен, что псы и те презирают тебя, бегут от тебя и даже как пса, им подобного, не принимают». Сердечное сокрушение овладело мною, и, скованный стужею, в величайшем трепете, я заплакал, к одному лишь Богу обратив свои мысленные очи, дабы разглядеть, что случится со мною. И когда все члены мои похолодели, думал я, что уже выпускаю дух.

И тут я внезапно почувствовал какое-то тепло и, открыв глаза, увидел юношу, весьма красивого видом, лицо его сияло, как солнце. А в руке своей держал он золотую ветвь, увитую лилиями и розами, влажными от росы, совершенно не такими, какие бывают в этом мире, но многоцветными и разнообразными по природе и по виду. И вот, держа это прекрасное растение, он взглянул на меня и промолвил: «Где ты был, Андрей?» Я же отвечал ему: «Во мраке и в тени смерти». И одновременно с моими словами он коснулся моего лица этой цветоносной ветвью и говорит: «Да примет плоть твоя силу и жизнь неукротимую». И тотчас благоухание этих цветов проникло в мое сердце и вложило в меня жизнь, будто некий образ. После этого слышу я голос, говорящий: «Отведите его для отдыха, пока не минет две недели, и затем он опять вернется: ведь Я хочу, что бы он еще поборолся».

И при этих словах я был погружен в глубокий и сладостнейший сон и не ведал, что происходит со мною, ибо подобно человеку, сладко спавшему целую ночь и поутру пробудившемуся, пребывал я в течение двух недель там, где Божий Промысел повелел.

А лицезрел я себя в прекрасном и предивном саду, и удивился я в душе своей и рассуждал, что же это было: «Жизнь моя протекала в Константинополе, а что я делаю здесь, не знаю». Не понимая, в самом деле, что такое случилось со мной, и находясь в замешательстве, я вновь обращался к самому себе: «Вот, я стал по-настоящему безумен: мне было дано благословение от Бога, и я должен был славить и благодарить Его, я же

сизу теперь и созерцаю это невиданное диво». Я чувствовал себя как будто лишенным плоти, ибо не сознавал, что на мне плоть. А хитон на мне был сверкающий, белоснежный и камнями усыпанный, и радовался я сильно его красоте. И взглянул я на свой головной убор: был на мне венец, блистающий позолотою, сплетенный из всевозможных цветов. На ногах моих были сандалии, и пояс на мне был красного цвета, удивительно яркий. А воздух этого сада сиял неизъяснимым светом, переливаясь оттенками цветков розы. Благоухания, причудливо сменяющие друг друга, достигали ноздрей, веселя мои чувства. Словно царь, гулял я в Божьем саду и наслаждался, понимая, что блаженство мое сверхчеловеческое.

Растения же Бог сотворил там многочисленные, не такие, как в этом мире, нет, но вечнозеленые и разнообразные, медоточивые, с высокой и нежной кроной, склоняющиеся друг к другу в волнообразном движении, несущие усладу, как от созерцания прозрачного неба, созданные для блаженных, обращающие душу к огню наслаждения, радости и веселья. И странно то, что все растения были разного вида и по-разному прекрасны, и одним растениям были дарованы вечные и неувядающие цветы, а другим только листья, для одних было установлено, чтобы они красовались плодами, у других же были и цветы, и листья, и сладость, и облик дивный, и плоды бесценные, восхитительные и бесподобные. А самое великое чудо заключалось в том, что птицы на деревьях, воробьи, цикады и другие прекрасные создания, златокрылые и белоснежные, пели и щебетали, сидя в листве, так что звучание их красивых и сладостных голосов было слышно вплоть до вершины небес. Птиц же этих я пытался разглядеть, и ум мой был в восхищении и восторге, ибо красота этих птиц была такой же дивной и величественной, как у роз, или у лилий, или у другого какого-нибудь вида цветов, который я мог бы назвать. И вот, пораженный в мыслях и уме красотой первой птицы, я вдруг увлекся другой, имеющей оперение и окраску иного вида и достоинства. А потом я увидел другую изысканную птицу. И была для меня великой радостью их песнь, несмолкающая и восхитительная. И кто же опишет странную и приводящую в трепет красоту того, что я видел там? Все эти прекрасные деревья были выстроены в ряд, словно один боевой строй за другим. О, сколь блаженна рука, взрастившая их!

И вот, продвигаясь снова и снова в глубь дивного сада, – ведь думал я, что больше не увижу тьму этого мира (ибо то, что здесь – тьма в сравнении с тем, что там), – подошел я к просторному месту и вижу: вот великая река протекает посреди сада, безмятежно орошает все эти растения, омывая их корни. В ней же прекрасные эти птицы находили свежесть, порхая вверх и вниз и непрерывно щебеча. А вокруг реки раскинулся виноградник, золотой листвою украшенный, ветви которого подобны светильнику или же первому камню, по слову рекшего: «Я краеугольный камень с острыми краями». Раскинулся он по всему саду, отягощенный массивными и великолепными гроздьями, так что переплетением его ветвей были увенчаны и украшены растущие там деревья. Узрев такое, возликовал я в сердце своем, переносясь душою от страха к удивлению и от удивления к восторгу. И долго стоял я, безмолвный, вдыхая поток благовоний от этого ветра, так что мнил я, будто ангелы воскуряют фимиам пред Сыном Божиим на небесах.

Когда же этот ветер стих, услышал я с запада звук другого ветра, внушающий мне непостижимое наслаждение, дуновение которого приносило пар, похожий на снег. И великолепие растущих там деревьев было наполнено дивным благоуханием,

превосходящим все земные ароматы, так что я забыл о тех восхитительных чудесах, которые уже миновал и которыми насладился. Птицам же этим, с их щебетанием и пением воспламеняющих и ликующих песен, поражался я в уме своем: были ли это птицы или ангелы, Бог знает.

И опять появляется с севера другой сверхъестественный ветер, видом огненный, с сиянием, словно зарево на закате солнца. И когда он подул, мягко заволновались ослепительные те деревья. Дул же он, будоража спрятанный в деревьях аромат, так что я, став надолго безмолвным, вкушал негу и прелесть этого сладчайшего благовония, исходившего от ветра. Был я, однако, в страхе из-за невероятности происходящего, недоумевая, как столь прекрасное могло случиться со мною?

Наконец, подоспел третий ветер. И когда внезапно наступила глубочайшая тишина, я немного продвинулся вперед, миновав ту реку. И как только я ступил на широкое то место, глядя на невыразимое богатство Вседержителя-Бога, в изобилии там собранное (я ведь и не знаю, как человеческими устами описать непостижимое богатство Господа), так вот, когда я приблизился к широкому месту этого сада и вглядывался в Святая Святых, вдруг снова подул весьма благоуханный ветер, будто бы с северной стороны, сладостный, как розы и лилии, а цветом – пурпурный, как фиалка. И качались эти растения, источая аромат, превосходящий миро и мускус, который проникал в сердце мое. И мнилось мне, будто очи мои – то ли телесные, то ли духовные, Господь знает. Казалось же мне, что был я там без плоти своей, ибо не было в теле моем ни веса, ни желания, ни другого чего-нибудь из того, что свойственно моей плоти; и поразила меня мысль, будто я оказался здесь без своего тела, а как – только Бог, Которому ведомы сердца, знает. И как только заволновалось необыкновенно множество этих растений от дуновения четвертого ветра, издавая звуки и приятную мелодию, снова поразительное благоухание и сладость проникли через ноздри в мои чувства. Так и стоял я, безмолвный, и невыразимое сияние пронизывало мой ум. Однако же, созерцая это, радовалось весьма и ликовало сердце мое и веселило дух мой. Когда же и четвертый ветер утих, я увидел великое диво: ведь за столь долгое время ни разу не явилась мне ночь, но радость и жизнь были со мною.

После этого напал на меня восторг, лишившись речи, подумал я, что стою над небесной твердью; и какой-то одетый в плащ юноша, лицо которого сияло, как солнце, прошел предо мною. Я же подумал, что это был тот, кто похлопал меня по лицу, когда я умирал от холода, кто приказал своим помощникам поднять меня. И вот, когда он прошел предо мною, увидел я следующее: вот крест, большой и красивый видом, и четыре завесы вокруг него, светящемуся облаку подобные, и две из них – сверкающие наподобие молнии, а две – белые, как снег. А вокруг него выстроились певцы, красивые, статные и белые, как свет, испускающие из очей огненные лучи. Песню же они исполняли во славу Распятого на кресте. И тогда облаченный в плащ юноша, который направлял меня, поцеловал крест, проходя мимо, и мне дал знак сделать это. И я, конечно, повинуюсь ему, пал ниц и поцеловал. И как раз когда я целовал этот драгоценный огонь, наполнился я медом духовным и благоуханием, которого не вдыхал никогда, даже в том саду. Подняв глаза свои, я вдруг увидел внизу под нами бездну моря, и дрожь охватила меня, и испугался я. Тогда я закричал ведущему меня и сказал: «О, господин и проводник мой, смотри, ведь я иду как по облаку и, охваченный страхом, ступаю легкими шагами, потому

что боюсь упасть отсюда, если оно более не удержит меня, и я соскользну в находящиеся под нами воды». Он же молвит: «Не бойся: еще выше мы должны подняться».

С этими словами он дает мне руку, и мы оказываемся над второй твердью. Видом она была белой, как снег. И там же вижу я два креста, подобных нижнему, и при них свиту устрашающую, которая и у нижнего креста находилась. А воздух тех мест был огненный – отдохновение для красивых юношей, бывших там. Поцеловали мы, конечно, в божественной любви и рвении также эти кресты, как и первый. Благоухание же их было неизъяснимое, словно божественное, сильнее, чем радость и наслаждение от находящегося ниже. И вдруг смотрю я: се огонь, сжигающий все, что есть там! И, охваченный дрожью, опять стал я звать на помощь сопровождавшего меня; он же, дав мне руку, говорит: «Еще выше должны мы идти».

С этими словами поднялись мы оттуда и оказались над третьим небом. Не было оно похоже на небо в этом мире, но вместо крепкой тверди распростерло кожаный покров, словно золотой лист. Снова обнаружили мы в преддверии три креста, сверкающие будто молнии, величайшие и устрашающие весьма, еще более, чем те два и тот один. И сопровождавший меня набрался смелости, вошел в середину огня и пал ниц перед ними; я же, совершенно не имея сил для этого, отошел подальше и преклонил колени. Затем, пройдя достаточно, достигли мы второго полога, и я увидел, будто молния распростерлась в воздухе. Мы были подняты вверх и прошли далее, и внутри того полога оказалось многочисленное небесное воинство, прославляющее и возносящее хвалу Богу. Тогда прошли мы и через то, что было там; и вот опять перед нами другой полог из тонкого полотна и пурпура неопишумого. Наконец прибыли мы в самое прославленное место, и была там завеса, вызывающая величайший трепет, будто ослепительно-яркий и очень чистый янтарь. И словно огненная рука отвела ее в сторону и сделала так, чтобы мы прошли. И внутри нее было бесчисленное множество мудрых и святых ангелов огненных, с глазами, сияющими ярче солнца. Они выстроились в определенном порядке и по чину на страшной той высоте, в соответствии со своей нематериальной величиной, держа в своих руках жезлы устрашающие: здесь легионы и там легионы, которым нет числа. И вот говорит ведущий меня: «Погляди-ка: когда поднимется эта завеса, увидишь ты Сына Человеческого, сидящего одесную Отца; тогда, павши ниц, поклонись Ему, устрями к Нему все свои мысленные взоры и выслушай, что будет сказано тебе». И как только проводник посоветовал мне это, я взглянул на красоту полога и увидел: се, голубь огромный, сверху слетев, сел на завесе. И была голова его словно золото, грудь – из пурпура, крылья – светящиеся, будто пламя, ноги – алые, а из глаз его как будто бы лучи света исходили. Но, пока я всматривался в его прекрасный облик, он внезапно взлетел и устремился ввысь. А после того, как был поднят и этот полог, я устремил взгляд в ту пугающую высоту, которая устарила бы всякий ум и помысел, и узрел всеяющий трепет престол, висящий в воздухе без всякой опоры. Пламя же от него исходило не такое, как наш огонь, но на вид белее снега. И восседал на престоле том Господь мой Иисус Христос, блиставший пурпуром и виссоном; но приглушивший свой блеск из снисхождения к моей простоте. Я, конечно, взирал на величие и красоту Богочеловека так, как иной смотрит на солнце, когда, восходя на востоке, оно является в сверкании своих лучей. Но после того я более не мог видеть его ясно. Трижды я преклонял перед Ним колена и снова пытался подняться и узреть Его красоту, но, как я и говорил, охваченный

дрождью радости и трепетом невыразимым, я больше не мог созерцать Его и всматриваться в огненное сияние Его безграничной силы и божественности. И явился голос от этого света, имеющий такой звук, что разрывался от него дивный воздух. И был голос медоточив, нежен и сладкозвучен. И вот, промолвил Он мне три слова, и я вник, и узнал, и возрадовался душой, как никогда. Затем, через некоторое время, Он рек другие три слова, и исполнилось божественной радости сердце у меня, воспринявшего их. После этого в третий раз молвил Он мне другие три слова, которые приводили в трепет, так что те почтенные воинства ангелов вдруг закричали страшным криком: поразмыслив же над этим, понял я, что из-за того, что я там находился, они прокричали песнь мудрую и небывалую.

Выслушав священные и божественные слова, я спустился вниз точно таким же путем, каким и поднялся; и был полностью самим собою, и стоял на том месте, откуда прежде был унесен. Немало поразмыслив над случившимся со мною – где я был и где очутился, – я изумился тому, как попал на просторы того божественного сада. Обозревая же находящееся там, я размышлял и говорил: «Есть ли тут кто другой или я один нахожусь здесь?» И ведь едва я подумал об этом, вижу: вот появилась в центре равнина, и не было на ней деревьев, однако это была очень красивая равнина, густо поросшая травой и цветами лилий и роз. А источники на ней струились молоком и медом, и величайшее благоухание от них исходило и сладость. И когда увидел я очарование этого места и зелень, предназначенную для отдыха, остановился в недоумении, дивясь божественным чудесам и не поспевая от одного великолепия к другому. И вдруг вижу я мужа сияющего, одетого в хитон, словно в облако светящееся, и держащего крест. Оказавшись рядом со мной, молвил он: «Распятие Господа нашего Иисуса Христа с вами! Однако блаженны безумные, и многие из них пребывают в мудрости. А тебе Бог определил здесь место, но пока возвращайся к мирским испытаниям и мукам, туда, где тернии и ехидны, и змеи, и гады ползучие. Диво же, однако, странное и невероятное: ведь никто, находясь во плоти, не пребывал сюда, кроме того, кто более всех потрудился для благой вести, и тебя, принявшего рог высшего смирения. Но я узнал, отчего с тобой случилось такое: из-за беспредельной нищеты, из-за «пойди прочь, пес!», из-за унижения, а также потому, что ты пришел на ристалище владыки мира, обнаженный, юный, простодушный, и в единоборстве опрокинул сверху вниз его самого, да и трон его наземь низверг. Видел ли ты здесь чудеса, приводящие в трепет? Постиг ли истинное воздаяние праведникам? Узнал ли сад Христов? Знаю я, знаю, что ты узрел и затрепетал. Каким видится тебе этот бранный мир в сравнении с тем, что там? Что ты скажешь? Зришь ли ты великолепие? Знаешь ли, какой радости хотят лишиться себя грешники? Кто явил им славу и добро?» Говоря мне это, он радовался, глядя на меня, и веселился. И тогда снова молвил мне: «Госпожа наша светозарная, Царица небесных сил и Богородица не пребывает сейчас здесь, ибо Она находится в том бранным мире ради поддержки и помощи тем, кто призывает Сына Ее Единородного, и Слово Божие, и Ее всесвятое имя. Следовало бы показать тебе Ее местопребывание, блистающее и неопишное, но время не позволяет, дорогой друг: ведь тебе нужно возвращаться туда, откуда ты пришел, ибо так повелел Владыка». Когда он говорил мне это, я словно бы погрузился в сон и, проспав будто бы целую ночь, с вечера до утра, обнаружил себя здесь, как видишь. Вот теперь, о

возлюбленный брат и друг мой во Христе, возрадуйся, и давай неустанно бороться, чтобы спастись».